

Книга переписанных сказок

Виктория Некрасова

**Лунные зайцы. Книга
переписанных сказок**

«Автор»

2026

Некрасова В.

Лунные зайцы. Книга переписанных сказок / В. Некрасова — «Автор», 2026

Лунные зайцы. Серебром шито, звёздами крыто Истинные истории сказочных героев для детей, которые уже выросли Помните, как в детстве бабушка рассказывала сказки? Как вы затаив дыхание слушали про Змея Горыныча, Кощея Бессмертного, Лешего? А что, если всё это было неправдой? Вы думаете, вы знаете эти сказки? Ошибаетесь. Под корнями тысячелетнего дуба жили лунные зайцы — хранители древних преданий. Но люди выросли и перестали читать сказки. Волшебство стало угасать, и тогда зайцы собрались на совет и решили переписать все истории заново — так, как всё было на самом деле. Оказалось, что Змей Горыныч — вовсе не чудище, Кощей — не злодей, а Леший — не нечисть. Но кто они тогда? И что скрывают всем известные сказки? Эта книга — для тех, кто вырос, но не разучился верить в чудеса. Для тех, кто помнит: пока сказку рассказывают — волшебство живо. Откройте её. Зайцы уже ждут.

© Некрасова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктория Некрасова

Лунные зайцы. Книга переписанных сказок

Глава

Глава первая. Ознакомительная. Можно не читать — всё самое интересное дальше

Люди добрые, и вы, детушки малые, что уж повзросли, да сказки слушать не разучились! Сядьте рядом, поговорим ладком. Поведаю я вам быль стародавнюю, не простую, а лунную, серебром шитую, звёздами крытую.

В некотором царстве, в некотором государстве, а точнее — в лесу дремучем, где и тропинки-то звериные, стоял дуб-великан. Не простой то был дуб, а тысячетный: корнями в землю-матушку вросший, а кроной до самого неба достающий. И жили под корнями того дуба, в норе глубокой, что твоя изба с печкой, существа дивные — лунные зайцы. Да-да, именно лунные, не удивляйтесь! Мы о них оттого и не ведаем, что когда в небе полная луна, словно блин масляный, улыбается, мы уже крепко спим в своих кроватках, посапывая. А зайцы те в это самое время в серебряных лучах купаются, шёрстку свою шёлковую лунным светом моют.

И совсем они не чета солнечным зайчикам — тем озорникам, что сквозь окошко в дом пробираются, по стенам скачут, котов наших дразнят. Тех, солнечных, всякий малец зеркальцем поймать может и по горнице пускать. А лунные зайцы — существа иные: серьёзные, мудрые, с очами глубокими, как омуты. Они испокон веку хранили секреты лесной магии, волшебства, а в дупле дуба того великого берегли свитки со старинными рецептами, заговорами да преданиями седой старины.

Но вот какая беда приключилась. Волшебство и магия живы лишь до тех пор, пока о них помнят. Пока сказку сказывают, пока мифы читают — живы герои их, живы чудеса. А как забыли люди старые сказки, как перестали их детям на ночь сказывать, так и начало волшебство исчезать тихо, незаметно, словно туман поутру.

Почуяли это и лунные зайцы. Стали замечать они, что с каждой ночью всё прозрачнее и призрачнее делаются. Лунный свет уже не серебрит их шёлковый мех, лапки ослабели, ушки поникли, как трава под дождём. Хоть и звали они лекарей — а те, как водится, всё больше научные трактаты читают, а не сказки. Прописали зайцам витамины, велели есть побольше морковки да гулять на свежем воздухе. А они и так тем только и занимались, что по лесу гуляли да травы целебные жевали. Да не в том беда была.

Собрались тогда зайцы на совет великий под корнями дуба. Думали-гадали, как горю помочь. И решили они заглянуть в дупло тысячетного дуба, где хранились древнейшие мифы и легенды. Полезли — а там ужас-ужасный! Свитки и старинные книги почти рассыпались. Страницы их пожухли, словно листья поздней осенью. Переплёты потрескались, а картинки стали блёклыми, будто веками лежали не в тени дуба, а под палящим солнцем.

Поняли тогда лунные зайцы: пришло время переписать истории на новые страницы и возродить героев давно позабытых легенд. И закипела работа. Много ночей подряд трудились они, не покладая лапок: вплетали в книгу всё, что помнили о феях, водяных, драконах, гномах, Коте-Бауне и многих других. Книга росла, тяжелела, а обложка её из лунного серебра начала мерцать, как жидкая луна. Вплели зайцы в переплёт свои серебряные шерстинки, вдохнули в страницы лунный свет и отпустили книгу в мир белый.

И теперь каждая переписанная и прочитанная нами история возвращает им немного силы, а миру — немного магии. Вот она, эта книга — «Книга сказок лунных зайцев. Истинные истории сказочных героев. Для детей, которые уже выросли».

И вам, люди добрые, наказ: читайте сказки детям своим, не забывайте старину глубокую, и тогда чудеса не исчезнут, а будут жить вечно, как лунный свет в окошке.

Глава вторая. Как в наших краях появился Змей Горыныч. Выживший птеродактиль.

Слушайте же, люди добрые, да не мимо ушей пропускайте. Поведаю я вам сказ не простой, а стародавний, седой, как сам мир. О том, как объявился в наших краях Змей Горыныч — не выползок нечисти, не порождение чародейства тёмного, а существо из племени древнего, исполинского. Из тех летающих ящеров, что бродили по земле-матушке задолго до того, как первый человек топор в руки взял. Пусть учёные мужи в своих кабинетах головами качают да очки протирают, но мы тому сказу верим. Ибо сам Горыныч о том сказывал, а он змей почтенный, солидный, врать не приучен.

Так вот, в те незапамятные времена, когда небо было ниже, а звёзды ярче, когда земля ходила ходуном под тяжёлой поступью гигантов динозавров, жил-был птеродактиль по имени Горыня. Имя-то ему дали славное, гордое, древнее — «горный» означает. Да только судьба, видать, посмеялась. Родился Горыня не гордым орлом, а маленьким, щуплым комочком, дрожащим, словно цыплёнок, выпавший из гнезда в ненастье. Вылупился он из яйца, что лежало с самого краю кладки, там, где холодный ветер гулял да сырость забиралась под скорлупу.

А кладку ту высиживала матушка его — птеродактилиха видная, с размахом крыльев, как у штормового облака, заботливая, но с причудами. Гнездо она свила, ума лишённая, на самой макушке папоротника-великана, что рос, шатаясь, над пропастью, под самыми облаками. Яиц в кладке было пять — все как налитые, с голубовато-зелёной скорлупой, блестящей, что морская галька на солнце. Все, кроме одного. То самое, крайнее, вечно в тени, вечно на сквозняке. Мать, как ни крутилась, всё боком его задевала, всё хвостом откатывала к краю. А когда садилась греть потомство, то своё тёплое, мягкое брюхо клала на середину, на любимых, а до крайнего её тепло почти и не доходило. Мёрз Горыня в своей колыбели каменной, мёрз с самого начала.

Так и вышло, что проклюнулся он позже всех на два дня. И то — сам бы не смог, силушки не хватило, мать сама скорлупу надклевала, жалеючи. Пока братья его, крепыши горластые, уже на крыло вставали и друг дружке перья щипали, он всё барахтался в обломках скорлупы, дрожал и пищал тоненько, будто комар. Братья его невзлюбили, дразнили «Гришкой-поганкой»: вечно он путался под ногами, натёкался на хвосты, ронял лучшие куски еды. Горыня обижался, забивался в угол гнезда, но поделаться ничего не мог — сила, она в яйце закладывается, а там ему явно недодали. Матушка пыталась подбодрить: грела его отдельно, совала самые жирные личинки, от которых у братьев слюнки текли. Но Горыня только воротил клюв — не лезла в него еда от обиды.

Время шло, стая подросла, окрепла. И вот пришла пора улетать в края тёплые. А перед тем разбушевалась над землёй гроза — не наша, а первобытная, дикая, яростная, будто само небо решило устроить генеральную уборку старого мира. Тучи нависли так низко, что цеплялись рваными брюхами за верхушки папоротников. Ветер выл на все голоса, гнул стволы в дугу, срывал листья и крутил их в бешеном хороводе смерти. Молнии сверкали так часто, что ночь превращалась в день, а гром грохотал с такой силой, что даже у самого смелого птеродактиля зубы выбивали дробь. Дождь падал не каплями, а сплошной стеной, и каждая капля была тяжела, как кулак.

Стая поднялась в воздух разом, словно по команде, только крылья захлопали, как мокрые паруса на ветру. Горыня, как всегда, замешкался: то лапу перепутал, то хвост не туда засунул, то чихнул от холодной капли, попавшей в нос. Мать кричала ему сверху, надрывая глотку: «Горынюшка, поспешай, погибель чую!» — но он лишь беспомощно разевал клюв. Наконец

разбежался, подпрыгнул, взмахнул крыльями... и тут же зацепился за проклятый сук, торчащий, как рогатина. Перекувыркнулся через голову, в глазах звёзды заплескались. А ветер-злодей подхватил его, как пушинку, и понёс куда-то вбок, прямо к тому месту, где небо от собственной ярости треснуло.

И могла бы на том история и кончиться, нашли бы палеонтологи через миллионы лет его окаменевшие косточки, и был бы Горыня лишь экспонатом в музее. Но случилось невероятное, чему учёные мужи, конечно, никогда не поверят. Две чёрные молнии столкнулись лбами, как два каменных барана, и в месте их удара воздух не выдержал — лопнул, будто гнилой армяк, и распахнулся зев пространственно-временного портала. Из него тянуло ледяным холодом и чем-то незнакомым, тревожным — пахло другим миром, другой судьбой. Горыня и пикнуть не успел, как его всосало туда, словно семечко сквозь дырявый мешок. Только писк его тонкий и остался висеть в раскалённом грозовом воздухе.

Очнулся он в лесу совершенно чужом. Вокруг росли стройные берёзы и тёмные ели, пахло прелью и грибами, а не папоротниками. Попытался встать — и тут же повалился: тело его изменилось до неузнаваемости. Вместо привычных кожистых крыльев — перепончатые, но чудовищно огромные, тяжёлые, как плащи. Хвост вытянулся змеей. А из шеи, как грибы после дождя, полезли ещё две головы. Шея чесалась нестерпимо, Горыня чесал её лапой, а из неё всё лезли и лезли новые наросты — одна голова, вторая, а потом и третья! Да ещё и чешуя стала твёрдой, как вековая кора.

Так и стал Горыня Змеем Горынычем — трёхголовым, огнедышащим, но всё с тем же невезучим, обиженным характером, что и в детстве. Вроде и страшен теперь, а в душе всё тот же писклявый, замёрзший птенец, которого мама не догрела.

И вот лежит наш Горыня на поляне, как мешок с костями, и понять не может, где он и что с ним приключилось. Первым делом решил он осмотреться, да только головы-то три, и каждая в свою сторону глядит. Одна налево, другая направо, а третья вовсе в небо уставилась, как будто звёзды считает, хотя день на дворе. И пошла у них перепалка.

Первой очнулась та, что справа: глаза открыла, зевнула и молвила:

— Это что за безобразие? Я спать хотела, а тут такое...

Вторая, что слева, огляделась и проворчала:

— Откуда я знаю? Я вообще есть хочу. Дайте мне чего-нибудь пожевать.

Третья, что посередине, самая длинная, только-только проснулась и философски изрекла:

— А я думаю, что мы есть порождение хаоса и неопределённости. И, кажется, мы теперь одно существо.

Первая:

— Как это одно? Я отдельно!

Вторая:

— И я отдельно! И есть хочу отдельно!

Третья:

— Спокойно. Будем решать демократическим путём. Кто за то, чтобы сначала поспать?

Первая подняла лапу:

— Я!

Вторая заорала:

— Нет! Сначала поесть!

Третья вздохнула:

— Ну вот, уже ссоримся. А ведь могли бы просто помолчать.

Горыня хотел закричать, чтобы все заткнулись, но из всех трёх пастей разом вырвалось пламя, и он поджёг ближайшую берёзу.

— Ой, — хором сказали все три головы.

— Это ты виновата, — сказала первая второй.

— Нет, это ты, — огрызнулась вторая.

Третья только вздохнула:

— Пламя — это всего лишь окисление при высокой температуре. Но берёзу жалко.

Так и появился Змей Горыныч. Сначала он был в ужасе: три головы постоянно ссорились, хвост не слушался, а огненное дыхание то и дело вырывалось, когда он чихал, кашлял или просто нервничал. Пришлось ему учиться жить заново.

Одна голова всегда хотела спать, вторая — есть, а третья — философствовать. Из-за этого Горыныч часто застывал на месте с открытыми ртами, потому что не мог договориться сам с собой, куда идти.

— Пойдём налево, там речка, — предлагала первая.

— Нет, направо, там, может, зайцы, — возражала вторая.

— На самом деле, направление не имеет значения, если мы не знаем, куда хотим прийти, — вставляла третья.

В итоге он шёл прямо и врезался в дуб.

Брёл он по лесу, как пьяный медведь, натёкался на деревья, ломал сучья, пугал зайцев. Зайцы, увидев такое чудо трёхголовое, в обморок падали, не добежав до кустов. Сороки на весь лес трещали: «Караул! Дракон! Три башки! Огнём плюётся!»

Когда он впервые попытался взлететь, то разогнался, подпрыгнул, замахал крыльями и... врезался в тот же дуб. Три головы по-разному отреагировали: одна заорала, другая засмеялась, третья сказала: «Ну, хотя бы дуб цел».

Так Горыныч поселился в лесном овраге, как медведь в берлоге, постепенно осваиваясь со своим новым телом. Был он не злым, а скорее растерянным, и если и пугал кого, то только случайно. А позже с ним приключились многие знаменательные истории.

Сведения о том, что Змей Горыныч является потомком древнейших летающих ящеров, записаны со слов самого Горыныча. А у нас нет оснований не доверять столь уважаемому и почтенному змею, посему мы не стали проводить научных изысканий по этому поводу. И тому быть.

Змей Горыныч и конь Ильи Муромцева. Начало дружбы.

В некотором царстве, в некотором государстве, а точнее — в лесу дремучем, что за оврагом тёмным, жил-был Змей Горыныч о трёх головах. Жил он, как вы уж ведаете, не тужил, да сам с собою спорил. Одна голова, правая, всё спать хотела, другая, левая, всё есть просила, а третья, средняя, всё философствовала, будто её кто спрашивал. И вот однажды, сидючи на пенёчке, Горыныч возьми да и заскучай.

— Скучно, — вздохнула первая голова.

— Есть охота, — отозвалась вторая.

— А я мыслю, что скука — это токмо отсутствие стимулов, — изрекла третья.

И тут вторая голова как вскинется:

— Слышь-ка, а давай сыщем кого-нибудь! Ну, друга! Чтоб с ним беседовать, играть, репу вместе грызть!

— Ага, а он нас узрит да и убежит, — пробормотала первая, позёвывая.

— Отчего ж это убежит? — возмутилась вторая. — Мы из себя видные!

— Три головы, хвост змеиный, крылья перепончатые, изо рта полымя, — перечислила третья. — По моему разумению, убежит.

— Ну и пушай! Зато попытаем, — не унималась вторая.

И порешили они выйти из оврага да поискать себе товарища. А тем временем по лесу, по тропочке, шёл конь богатырский — Бурушка, верный спутник Ильи Муромцева. Илья-то во град отлучился по делам ратным, а коня оставил на лугу пастись. Только коню тому не сиделось: заскучал он, решил прогуляться по лесочку, грибов поискать, ягодок. Идёт, хвостом

помахивает, по сторонам поглядывает. Вдруг слышит: треск, шум, и навстречу ему из кустов вываливается нечто огромное, трёхголовое, чешуйчатое.

Конь как встанет столбом, уши торчком, глазищи — что плоски:

— Это что за чудо-юдо? Три башки, а ума, поди, на полторы!

А Горыныч и сам растерялся. Хотел было поздороваться, да все три головы разом и загомонили:

— Здрав буди, конь! — первая.

— Ты чей таков будешь? — вторая.

— А не изволишь ли обсудить бренность бытия? — третья.

Конь от такого напору попятился:

— Вы, голубчики, по единой глагольте, а то у меня в ушах звон стоит. И сперва поведайте, кто вы таковы и почто меня пугаете?

Первая голова хотела было молвить «мы Змей Горыныч», да вторая её перебила:

— Мы не пугаем! Мы просто гуляем!

Третья добавила:

— А ещё мы ищем друга. Точнее, я ищу смысл жития, а эти двое — невесть чего.

Конь фыркнул, но уже не со страху, а со смеху:

— Ну и ватага! Три головы, а столковаться не могут. Ладно, не боюсь я вас. Я конь Ильи Мурамцева, кличут Бурушкой. А вы, стало быть, тот самый Горыныч, о коем в деревне бабы шепчутся, будто он репу ворует?

Горыныч засмутился (коли такое возможно у трёх голов), и все три головы разом заалели, отчего из ушей у них повалил лёгкий дымок.

— Ну, репа... это не воровство, а временное позаимствование, — проямлила первая.

— Уж больно она сладка! — мечтательно протянула вторая.

— Собственность — это суть социальный конструкт, — заявила третья.

Бурушка аж заржал:

— Ну вы даёте! С вами не заскучаешь. А хотите, я вас к Илье сведу? Он как раз товарищей жалуёт, особливо таких... чудных.

— А не слопаёт он нас? — испугалась первая.

— А у него овёс водится? — оживилась вторая.

— А он горазд спорить о смысле бытия? — любопытствовала третья.

Конь покачал головой:

— Илья, конечно, богатырь, да не дурак. Сперва познакомимся, а там видно будет. Токмо один уговор: ничего не палить без спросу, а то у меня шкура дорогая, не хочу быть жареным.

— По рукам! — хором молвили все три головы.

И пошли они вместе по лесу: конь впереди, Горыныч позади, задевая крыльями ветки. Три головы всю дорогу гутарили меж собой, но уже не бранились, а мирно беседовали.

— А вот я ведаю загадку: кто ходит утром на четырёх ногах, днём на двух, а вечером на трёх? — спросила третья.

— Человек, — не задумавшись, ответил Бурушка. — Эту загадку ещё Сфинкс загадывал.

— А я и не ведал! — подивилась вторая.

— Ты много чего не ведаешь, — усмехнулась первая.

Так они и добрались до опушки. Вдруг слышат: трава приминается, кусты трещат, и выходит на луг сам Илья Мурамцев — могучий, борода лопатой, на плече палица булатная. Узрел он своего коня, а рядом с ним Змея Горыныча, да как возопит:

— Ах ты, чудище заморское! Почто моего коня увёл? Ну, держись, сейчас я тебя по кочкам разложу!

Схватил он палицу, размахнулся, а Бурушка встал промеж них и говорит человеческим голосом:

— Погоди, Илюша! Это друг мой новый. Он не со зла, он со скуки. Ты сперва выслушай его, а после уж палицей маши, коли захочешь.

Илья рот разинул от изумления! А Горыныч, видя таковое дело, живехонько спрятался за Бурушку, и все три головы выглядывают из-за крупа.

— Мы не хотели, — пискнула первая.

— Я токмо репу люблю, — всхлипнула вторая.

— Насилие порождает токмо насилие, — добавила третья.

Илья почесал затылок, палицу опустил:

— Ну и дела... Конь мой, ты, никак, травы белены объелся? Какой это друг? Это же Змей Горыныч!

А Бурушка ему:

— А ты приглядиись, Илюша. Не таков уж он и страшен. Три головы — да все три дурашливые, а зла никому не чинят. Вот я и смекнул: пуцай будет тебе помощник. В хозяйстве сгодится.

Илья погладил бороду, поглядел на Горыныча, а тот уж вылез из-за коня и стоит, виновато хвостом помахивает, а все три головы улыбаются, будто три солнышка.

— Ну, коли так, — молвил Илья, — давай знакомиться. Токмо уговор: огнём не палить, деревни не жечь, репу не воровать, а коли пособишь в поле али в дороге — я тебе буду овса давать и хлеба.

— А репу? — жалобно спросила вторая голова.

— Репу тоже, да токмо ту, что сам вырастишь, — рассмеялся Илья.

Так и подружились Илья Мурамцев, Бурушка и Змей Горыныч. Горыныч воротился в свой овраг, а Бурушка — в конюшню к Илье. Но каждое утро, лишь зорька займётся, конь бежал к оврагу, и они вдвоём отправлялись на речку али в лес. А Илья, глядячи на это, токмо посмеивался в усы, да недолго музыка играла.

Вскоре поползли по селу слухи хуже змеиного шипения. Бабы у колодца языками чесали, мужики на завалинке судили-рядили: мол, совсем Илья Мурамцев берега попутал, якшается с чудищем болотным, позорит звание богатырское. Детишки, и те пальцем тычут: «Глянь, богатырь со Змеем в шахматы играет, а тот ему репу печёную таскает!»

Пригорюнился Илья. Не за себя — за репутацию свою ратную. Как людям в глаза смотреть? Ведь если народ решит, что богатырь с нечистью дружбу водит, так и вера в защитников земли русской пошатнётся. Думал он думу три дня и три ночи, а на четвёртый день поутру вышел на крыльцо, хлопнул себя по коленям, аж эхо по двору пошло, и говорит Бурушке:

— Ну, конь верный, придётся нам с Горынычем представление давать. Такое, чтоб у селян аж лапти от страха позаклинило, а после — от радости, что живы остались, да от гордости за богатыря своего!

Бурушка ухом повёл, поразмыслил, да и отвечает:

— А что, Илюша, дело говоришь. Главное, чтобы Горыныч со страху не перепутал, где дым, где огонь, а то спалим деревню к лешему.

Поскакал конь к оврагу, разбудил Горыныча. Тот спал, как всегда в три горла, и все три головы сны разные видели: одна — про подушку-перину, вторая — про репу в меду, а третья — про бесконечность мироздания. Растолкал его Бурушка и давай объяснять. Горыныч сперва испугался, аж чешуёй задрезжал:

— Да нешто Илья меня бить взаправду будет?! Я ж с ним вчера в бабки играл!

— Да не бить, а вид показывать! — ржёт конь. — Ты, главное, реви пострашнее, крыльями маши пошире, а огонь пускай мимо, поверх голов. Ну, и в конце представления — падай, как подкошенный, а после в овраг свой уползай, будто поражён смертью.

— А не стукнет он меня по-настоящему? — пищала левая голова.

— А репу-то за труды дадут? — облизывалась правая.

— А с философской точки зрения, сие действие не будет ли поправлением истины? — задумалась средняя.

— Будет, — отвечает Бурушка. — Но сие действие спасёт нашу дружбу и твои рёбра. Собирайся, а о философии после потолкуем.

И вот настал день, о коем в селе потом год байки сказывали. Вывел Илья Мурамцев коня на широкий луг, надел кольчугу, что блестела как жар-птица, взял щит червлёный, меч-кладенец, что семь пудов весу, и ну трубить в рог. Народ сбежался со всех дворов, затаили дыхание, крестятся. А Илья стоит посреди поля, как утёс, и молвит громогласно:

— Выходи, Змей Горыныч! Выходи, чудо поганое! Силушкой с тобою померимся!

И тут как загрохотало! Лес застонал, земля задрожала. Из-за оврага поднялась туча чёрная, и в туче той — Змей Горыныч. Крылья — что паруса бури, машут — деревья к земле гнутся. Чешуя на солнце переливается, аж глаза слепит. Три головы извергают пламя и дым, ревут так, что у баб вёдра из рук попадали. Ну, чисто ужас летящий на крыльях ночи!

Подлетел он к Илье, и началась битва — не на жизнь, а на смерть!

Горыныч сверху пикирует, правой головой огнём дышит — Илья щитом прикрывается, а сам шепчет: «Левее цель, левее! Спалишь мне ус, я ж на тебе верхом кататься не буду!» Левая голова хватает богатыря за меч, да не больно, а так, для виду, а средняя орёт дурниной философские вирши: «Тщетно ты, смертный, сопротивляешься небытию!» — отчего Илья чуть не расхохотался прямо в разгар боя.

А конь Бурушка, умница, бегаёт вокруг, землю копытами роет, ржёт по-богатырски, подбадривает. То с одной стороны зайдёт, то с другой. Горыныч хвостом вильнёт — Бурушка перепрыгнет. Змей лапой махнёт — конь увернётся, как в пляске. Со стороны-то смотреть — смертоубийство невиданное: огонь до небес, дым столбом, гром от ударов за семь вёрст слышен!

А Илья уж в роль вошёл. Как размахнётся мечом — Горыныч отклонится, будто чудом спасся. Илья его палицей по спине — а сам сдерживает силу, чтоб только чешую пощекотать. Горыныч от этого щекотного удара аж подпрыгнул, да как завопит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.